

Легенды бандитской Одессы

Одесса — «жемчужина у моря», Южная Пальмира. Но за вычурной архитектурой скрывается тайная сторона этого города — бандитская Одесса, окутанная легендами о громких преступлениях и невероятных махинациях. Знаменитая Малая Арнаутская — «сердце» контрабанды и искусных фальшивок, история воровки Соньки Золотой Ручки, князь-медвежатник Петр Кирьяков и ограбление Таврического банка и Английской судостроительной компании, похождения бравого атамана Григория Котовского, ювелирные аферы, загадочный Петр Мищиц и ограбление Лондонского банка, король преступного одесского мира Мишка Япончик, бандитская принцесса Кровавая Маргаритка и загадочная Мурка — криминальные авантюры, ставшие настоящей преступной «классикой».

ЛЕГЕНДЫ БАНДИТСКОЙ ОДЕССЫ

Сергей Реутов

ЛЕГЕНДЫ БАНДИТСКОЙ ОДЕССЫ

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2018

ISBN 978-617-12-5557-9 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

УДК 908
Р44

ISBN 978-617-12-4951-6

- © Depositphotos.com / flytosky11, zarevv, обложка, 2018
- © wikimedia.org / обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Предисловие

«Ты баран, Сема, — значилось в записке, — убей его иронией,
убивает исключительно смешное...»

Исаак Бабель. Одесские рассказы

Мы не зря взяли в качестве эпиграфа эти слова Исаака Бабеля, великого одессита. Уж он-то преотлично знал и того, кого назвал Бене́й Криком, и многих из тех, кто жил рядом с ним на Молдаванке и Пересыпи, Ланжероне и Второй станции Большого Фонтана. И конечно, прекрасно знал, как иногда выручает единственное богатство некоторых одесситов — чувство юмора. Никто лучше него не смог бы раскрыть все тайны Одессы, рассказать все истории, о которых мы сейчас знаем куда меньше именно потому, что истории эти все-таки были тайными.

К сожалению, мы не маги. И вернуть к жизни великого одессита не в наших силах. А потому многих тайн придется доискиваться в книгах и подшивках старых газет, в воспоминаниях еще живущих истинных одесситов и тех их внуков, которые сменили восточное полушарие на западное, а иногда и северное на южное. Конечно, не обойтись нам и без материалов из Интернета.

«Ну еще бы, — скажет придирчивый читатель, — сейчас столько написано об этом городе, столько снято фильмов, что смастерить пристойную компиляцию не составит ни малейшего труда». И во многом будет прав. В любом случае, кто бы ни писал об Одессе, он не сможет раскрыть все ее тайны, а любой рассказ об этом необыкновенном городе станет всего лишь еще одним крошечным камешком в огромной мозаике, которую называют Южной Пальмирой. Мы начнем, как водится, с азов — с момента появления города на карте. История возникновения Одессы удивительна уже хотя бы потому, что города могло бы и не быть, если бы мудрые и изворотливые одесситы не начали с «мелочи» — подкупа высшего лица государства. Эту легенду мы тоже расскажем, и уважаемому читателю придется согласиться с тем, что это не могло не найти своего отражения в характере города и его обитателей.

Вся история изнанки Одессы неисчерпаема, собственно, как и история «темной стороны» любого города. Мы расскажем о самых громких

именах, не обойдем ни великих революционеров, ни великих аферистов. Но остановим рассказ в 30-х годах XX века. Много из того, что случилось позже, — это уже не судьбы гениальных аферистов-одиночек или предводителей банд. Здесь начинают фигурировать совсем иные действующие лица, роль которых нам оценить трудновато, ведь все это еще здесь, рядом с нами. Вернее, действующие лица остались теми же — предводители банд и одиночки, но теперь у них за спиной замаячила третья сила — политика, а о ней и ее давлении говорить пока рано.

Скажем сразу — далеко не все, о чем мы расскажем, можно найти на просторах всеведущей сети. Даже если мы сейчас не упомянем о том, с каким усердием наши герои громили архивы жандармских управлений, охранки и ЧК, просто примем к сведению, что со времени многих событий прошло больше ста лет. А время — эта коварная и неподвластная никому стихия — все расставляет по тем местам, по каким желает только оно одно.

И потому перед нами все-таки ЛЕГЕНДЫ. Легенды города и людей, когда-то его населявших...

Примем это и не будем добиваться математической точности и документальной достоверности. Согласитесь, что может быть лучше, чем вкусная одесская байка?

Глава 1. История Южной Пальмиры

Говорят, что здесь бывала
Королева из Непала
И какой-то крупный лорд из Эдинбурга,
И отсюда много ближе
До Берлина и Парижа,
Чем из даже самого Санкт-Петербурга.

В. Высоцкий. Куплеты Бенгальского

Владимир Семенович был таки прав: от Одессы до Парижа и в самом деле совсем недалеко. Да и Париж связан с Одессой многими узами и именами. Вернее, связана вся прекрасная Франция, причем с самых первых дней существования «жемчужины у моря».

Конечно, люди селились на берегах теплого Черного моря задолго до возникновения и Франции, и Российской империи. Видела эта земля и киммерийцев, и скифов, нашли здесь приют и славянские племена. Вместе с возмужанием Греции появились на берегах Черного моря, а тогда Эвксинского Понта, и греки. Первые следы их пребывания относят примерно к VII веку до нашей эры. Ко времени расцвета Киевской Руси на северном побережье Черного моря оседло жили тиверцы и уличи — племена восточных славян. Через пару сотен лет на берега Северного Причерноморья пришли татары. Но земли эти были уже заняты предприимчивыми и оборотистыми генуэзцами — приблизительно на месте нынешнего города раскинулась стоянка торговых судов. Старинные морские карты, портуланы, на которые наносилась подробная береговая линия, утверждают, что стоянку эту генуэзцы называли Джинестра, что по-итальянски означает «дрок» — кустарник, живым ковром укрывающий причерноморские степи с ранней весны до поздней осени.

Еще через полторы сотни лет Причерноморье перестало быть татарским и перешло во владения Литовского княжества. Тогда, примерно в XV веке, мы и находим первое упоминание о поселении Качибей на месте будущей Южной Пальмиры. Название, конечно, менялось, и не один раз, — Каджибей, Аджибей, Гаджибей...

Под таким названием, как рассказывает легенда, об этом поселении с портом узнала и Екатерина II. Крепость и порт только-только отвоевали у турок русские войска. И, дабы увековечить переход города под сень русской короны, царица велела переименовать свое новое приобретение. Легенды утверждают, что на балу Екатерина приказала: — Пусть Хаджибей носит эллинское название Одессос, но в женском роде.

И с тех пор прекрасная Одесса отсчитывает свой век как один из городов Российской империи.

Что же обрела русская корона? А получила она небольшую крепость, выстроенную во второй половине XVIII века на берегу Хаджибейского залива, называемого ныне Одесским. Она имела, как и многие иные крепости, высокую стену с бойницами и круглыми башнями.

Крепостная стена, кстати, ограждала селение и со стороны моря. Разве что посредине в стену была встроена массивная главная башня с конусообразной крышей и широкими арочными воротами — одним из немногих «официальных» входов на территорию укрепления. Само же поселение Хаджибей делилось крепостью на две части: у берегов лиманов была расположена его низинная часть — пересыпь. Вторая часть поднималась по плато. Здесь стояли лавки, кофейни, шумели базары. Ближе к морю, за пределами крепости, высился маяк.

Именно таким увидели поселение русские войска под командованием Хосе де Рибаса. Вместе с отрядом украинских казаков, которыми командовали Антон Головатый и Захарий Чепига, 13 сентября 1789 года они овладели крепостью. Через год войска под управлением А. В. Суворова штурмом взяли Измаил. В этом штурме де Рибас вновь показал себя отважным воином. И совсем скоро Северное Причерноморье у турок отвоевали, закончилась русско-турецкая война. По условиям Ясского мирного договора султанская Турция отказалась от претензий на Крым, России была возвращена и территория между Южным Бугом и Днестром — а значит, к ней отошел и Хаджибей. В конце XVIII века на берегу Хаджибейского залива для защиты со стороны моря была выстроена новая крепость — с пятью бастионами и ста двадцатью орудиями, — обнесенная рвами и валами. Гарнизон крепости насчитывал две тысячи человек. В 1794 году правительство Российской империи утвердило «План пристани и города».

Рескрипт Екатерины II предписывал: «Божьей милостью МЫ Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Адмиралу Де Рибасу.

Уважая выгодное положение Хаджибея при Черном море и сопряженные с оным пользы, признали мы нужным устроить тамо военную Гавань купно с купеческой пристанью, повелев нашему Екатеринославскому и Таврическому Генерал-Губернатору открыть тамо свободный вход купеческим судам, как наших подданных так и чужестранных держав, коими в силу Трактатов с Импереею нашею существующих можно плавать по Черному морю. Устроение Гавани сей МЫ возлагаем на вас, всемилостивейше повелеваем вам быть Главным начальником оной, где и Гребной флот Черноморский в вашей команде состоящий впредь главное расположение свое иметь будет; работы же производить под надзиранием генерала Суворова Рымникского, коему поручены от нас все строения укреплений и военных заведений в этой стране, придав в пособие вам инженерного полковника де Волана, коего представленный план пристани к возможному произвождению оного в действие...»

Этот рескрипт был передан де Рибасу и зачитан перед войсками крепости. Так закончилась история крепости Хаджибей и началась история города Одесса. Но к де Рибасу и роли его личности в истории Одессы мы вернемся чуть позже — надо же нам знать, что это был за человек и чем на самом деле ему обязана прекрасная Южная Пальмира.

Рассказывая об истории Одессы, нельзя не упомянуть де Рибаса и название улицы, получившей его имя, но также нельзя и забыть два других громких имени, тоже навсегда оставшихся в памяти одесситов и на ее карте. Это герцог Арман Эммануэль дю Плесси де Ришелье и граф Александр Федорович Ланжерон.

В нашем рассказе появится еще одно имя, не менее весомое в истории города, а сейчас поговорим о дюке и графе, которые сделали Одессу такой, какой мы ее знаем.

Итак, дюк де Ришелье — прапраправнучатый племянник кардинала де Ришелье, знакомого нам по романам А. Дюма-старшего. Кардинал был, как мы знаем, фигурой более чем неординарной, и о нем можно было бы поговорить, но, к сожалению, с историей «жемчужины

у моря» он не связан. Разве что своим именем. А вот его дальний родственник стал для одесситов «домашним дюком» и за сравнительно небольшое время сделал для города и страны очень и очень много. Но обо всем по порядку.

Арман Эммануэль София Септимани де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон, пятый герцог Ришелье, был не только пра... внучатым племянником кардинала, но и внуком маршала Франции. В семнадцать лет юный Арман становится камергером при французском дворе — совсем недурная карьера для юноши. Однако он был совершенно лишен желания жить придворной жизнью и весьма застенчив. Во время Великой французской революции Арман Эммануэль бежал в Россию — в те времена эта страна была в большой моде и эмигрировать сюда у европейцев считалось своего рода признаком утонченного вкуса. Русская армия готовилась к штурму Измаила — и пылкий француз пожелал присоединиться к войскам. Он дошел до самого графа Потемкина и добился у него разрешения на этот шаг. Во время сражения Арман проявил невероятную храбрость, получив в награду золотую шпагу. После сражения Ришелье решил поселиться в Петербурге и приступить к изучению русского языка. Как часто это бывало и до него, имя отважного француза тут же перекроили, придав звучание, более привычное туземному уху, — и стал он Эммануилом Осиповичем де Ришелье.

Де Ришелье верой и правдой служил России, но и ему довелось испытать монарший гнев, с той его стороны, которую позже назовут глупостью недалекого тирана. Как-то зимой в окрестностях Петербурга занялся сильный пожар. Ришелье вместе со своими кирасирами — он же был генералом — кинулся спасать людей и тушить огонь. Царь Павел I отчитал француза и отправил в отставку, лишив всех званий, — де Ришелье имел наглость принять решение бороться с огнем самостоятельно, не получив приказа свыше.

Но все изменилось с воцарением сына Павла — Александра I. Новый царь возвращает Ришелье из опалы. Теперь он вновь становится генералом со всеми положенными регалиями и получает предложение избрать себе должность и место дальнейшей службы. Де Ришелье делает выбор и становится градоначальником заштатного городишки на юге империи. Он прибыл в Одессу в марте 1803 года. Город тогда носил множество нелестных имен: это была и «республика жуликов»,

и даже «помойная яма Европы». Герцог принял решение превратить это сомнительное поселение в европейский город — задача весьма нелегкая и в более просвещенные и развитые времена, что уж говорить о рубеже XIX века.

На строительство города из казны отпускались ничтожные, просто мизерные средства. Но, несмотря на это, при Ришелье — новом градоначальнике — проложили широкие улицы, разбили сады, соорудили собор, католическую церковь, синагогу. Его стараниями были выстроены театр, больница, рынок, а также коммерческая гимназия. Здания проектировал и надзирал за строительством Тома де Томон, знаменитый архитектор, а некоторые из его творений дошли до нас через два минувших столетия. Прошло всего несколько лет правления Ришелье — и Одесса обрела известность по всей Европе. В городе сосуществовали представители множества национальностей. Историк Василий Надлер писал: «В Одессе не было места для исключительного господства какой-либо национальности, все были одинаково равны, одинаково свободны, и результатом этого... явилось неслыханно быстрое возрастание города».

Пользуясь дружеским расположением монарха и неограниченными полномочиями, де Ришелье, говоря современным языком, заложил основы инфраструктуры города как значительного транзитного пункта торговли между Востоком и Западом. Именно он наладил хлебный экспорт, позвав сюда колонистов-аграриев из Германии, Франции, Швейцарии и других стран. Именно благодаря ему Одесса стала европейским городом. Ришелье также освободил ее от непомерных налогов и стал автором идеи «порто-франко», которую реализовал уже его преемник Ланжерон.

Более того, Ришелье, соблюдая и государственные, и региональные интересы, добился уникального: хлебная торговля между Россией и Турцией не прекращалась, даже когда эти страны воевали между собой! Все деньги, заработанные на царской службе, дюк потратил на создание в Одессе лицея — самого значительного учебного заведения на Юге, второго после Царскосельского.

Можно смело сказать, что именно его усилиями на южной окраине России возник настоящий европейский порт со всеми атрибутами, необходимыми городу такого ранга: биржей и самоуправлением, карантинном и коммерческим судом, транспортными морскими

конторами, банками и страховыми учреждениями, учебными, культурными заведениями, благотворительными департаментами и др. К тому же здесь появились русские чайные и трактиры, французские булочные и кофейни, турецкие курительные и еще много мелочей, без которых город — не более чем красивая картинка в книге.

Делопроизводство, практически все, Ришелье вел сам — отметим, что ответные документы он писал на том языке, на котором к нему обращались. Питался первый из плеяды великих градоправителей очень умеренно, свою небольшую канцелярию содержал за собственный счет. Дюк ежедневно обходил или объезжал город, вникая даже в незначительные дела. Он беседовал с подрядчиками, купцами, медиками, военными, мастеровыми, иностранными консулами, гостями города, простонародьем, обязательно посещал все общественные и частные балы. Ришелье также занимался озеленением Одессы и прилегающих к ней безводных территорий и лично выписывал недешевые саженцы из-за рубежа.

Одним словом, первого одесского градоначальника можно смело назвать, пожалуй, самым гуманным из всех администраторов, которых видел этот город. В 1814 году Ришелье возвращается во Францию и вскоре становится премьер-министром и членом Французской академии. Вся жизнь он искренне стремился в любимую Одессу, но ему было не суждено увидеть ее снова — 17 мая 1822 года герцог де Ришелье скончался в возрасте 55 лет. Император Александр Павлович, вообще отличавшийся впечатлительным характером, искренне горевал, считая Ришелье достаточно близким человеком и другом.

Французскому послу царь сказал: «Я оплакиваю герцога Ришелье как единственного друга, говорившего мне правду. Он был образцом чести и правдивости».

А когда весть о смерти герцога Ришелье добралась до Одессы, граф Ланжерон, преемник и в значительной степени продолжатель его славных деяний, предложил собрать средства на установку памятника бывшему одесскому градоначальнику и генерал-губернатору Новороссийского края. На этот призыв откликнулись одесситы всех сословий. Вот поэтому идущий по проспекту к порту градоначальник Южной Пальмиры и сегодня озабоченно смотрит на плоды трудов своих. Судя по выражению его лица, он чаще все-таки доволен тем, что видит. Хотя как знать...

Новым градоначальником, пришедшим на смену дюку, как мы уже сказали, стал граф Александр Ланжерон, француз по происхождению, эмигрировавший в начале Великой французской революции. Сначала он предложил свою шпагу и усилия австрийскому двору, но получил отказ. И сразу после этого отправился в Россию, где его приняли куда радушнее: он был зачислен в армию под управлением Потемкина — в Сибирский гренадерский полк. Сама армия в это время стояла на Дунае, в очередной раз шла война с Оттоманской Портой. Но сам граф тогда с турками сразиться не успел: его патрон, принц Нассау-Зиген, предложил ему повоевать со шведами — война с северными соседями шла уже почти в предместьях Санкт-Петербурга. Ланжерон, полковник гренадерского полка, соглашается и принимает командование Второй дивизией гребного флота принца Нассау-Зигена. Кроме того, Людовик Александр Андро, граф де Ланжерон, маркиз де Косе, превращается в Александра Федоровича Ланжерона. За участие в сражениях при Биорке-Зунде в июне 1790 года он получает орден Святого Георгия 4-й степени.

Ланжерон воевал со шведами до заключения мира. А потом, как и намечалось с самого начала, отправился к Потемкину на Дунай. Затем был штурм турецкого Измаила. Смелчак-граф, по словам Александра Суворова, «...оказал отличную неустранимость в атаке неприятеля». Неудивительно, что после сражения граф получил золотую шпагу, украшенную надписью «За храбрость». В следующем году, уже под командованием князя Репнина, граф сражался под Мачином, а после войны в составе коалиции принимал участие в сражении с... республиканской Францией. Отношение его к революционерам не изменилось, и он в составе войск отправился в поход в Лотарингию и Шампань, участвовал в многочисленных сражениях. Все больше граф убеждался в том, что именно в России, признавшей его силы и умения, он нашел новую родину, ведь Франция, охваченная безумным пламенем революционного пожара, должна была перегореть еще не скоро.

Летом 1795 года Ланжерон перевелся в Малороссийский гренадерский полк. Его службу весьма скоро, через год, оценил шеф полка, генерал-фельдмаршал Румянцев-Задунайский, назначив графа Ланжерона полковым командиром и дав чин бригадира. Через год граф стал

генерал-майором, еще через год получил следующий чин. А вместе с ним — подданство России и титул графа Российской империи. Военная карьера графа Ланжерона — это, по сути, отражение военной истории России: битва при Аустерлице, Отечественная война 1812 года, сражение при Бауцене... Но нас интересует не эта сторона его биографии, а то, как граф стал одесситом.

Произошло это в 1815 году — Ланжерона назначили военным губернатором Херсона, одесским градоначальником, главнокомандующим бугскими и черноморскими казаками.

В историческом альбоме, посвященном столетию Одессы, писали о временах его градоначальничества так: «Времена генерал-губернаторства Ланжерона если и можно отметить на страницах истории Одессы, то скорее по счастливой случайности, чем благодаря энергии и деятельности преемника Ришелье». «Старая Одесса» писала примерно так же, хотя подобрала и более деликатные выражения: «Графу Ланжерону, сменившему Ришелье, оставалось только во всем следовать своему предшественнику, что он и делал». Зная удивительные особенности города и некоторых обитателей юга империи, можно смело предположить, что даже «во всем следовать своему предшественнику» было далеко не так просто.

Именно графу Ланжерону Одесса обязана знаменитым и нечастым явлением — статусом «порто-франко». Граф настойчиво пропагандировал идеи Ришелье и даже, говоря языком нового времени, пробивал их в верхах. Но все равно лишь 16 апреля 1817 года, через два года после вступления в должность, граф отпраздновал свою первую серьезную победу: в Одессе был установлен режим «порто-франко». На самом же деле градоначальникам города понадобилось целых девятнадцать лет для того, чтобы зона, свободная от таможенных пошлин, превратилась из идеи в царское решение: еще в 1798 году Кесоглу, попечитель греков-поселенцев, ходатайствовал об этом перед императором, после сам Ришелье пытался этого добиться, приложив всю присущую ему настойчивость. Но удалось это только Ланжерону, хотя до полного воплощения идеи прошло еще более двух лет — режим «порто-франко» был открыт лишь 15 августа 1819 года и предоставлялся городу всего на 30 лет.

Во время подготовки к осуществлению режима вырыли внушительный ров длиной примерно 24 версты, для вывоза товаров оставили два

проезда: «Херсонскую таможенную» на Пересыпи и «Тираспольскую таможенную» на Молдаванке. Подготовительные мероприятия обошлись городу в прямо-таки астрономическую сумму — 300 тысяч рублей, но градоначальник считал, что игра стоит свеч.

Понятно, что охрана границы такой длины была делом непростым. А контрабандисты появились, наверное, почти сразу после утверждения режима. О них, конечно, речь тоже будет впереди, и мы упомянем об этом еще не один раз. В связи с этим в июне 1822 года приняли решение сократить зону «порто-франко»: новый рубеж пролегал по современной Старопортофранковской улице. Чуть позже, в 1826 году, зону снова расширили, когда добавили к ней Пересыпь, Молдаванку и Малый Фонтан. Тогда же город окопали двумя параллельными рвами на расстоянии около 20 саженей друг от друга. В таком виде зона «порто-франко» просуществовала до 1859 года, когда статус был окончательно отменен.

Перечислим некоторые успехи Ланжерона, как говорится, списком. Год 1818-й. Новый градоначальник заканчивает еще один проект, предложенный и начатый Ришелье: в Одессу приглашен садовник Карл Десмет, на 70 гектарах заложивший Ботанический сад. «Этот сад, — писал в “Старой Одессе” Александр де Рибас, — пользовался такой славой, что рассаду и саженцы отправляли в Крым, в Алупку и даже за границу».

Год 1819-й. Утвержден устав Ришельевского лицея. И в этом же году открылся торговый дом Федора Родоканаки, купца первой гильдии. Коммерческий оборот заведения составлял пять миллионов рублей. Все разом сыграло немалую, если не решающую роль в развитии банковского дела Одессы.

Год 1820-й. В Одессе выходит первая газета *Messenger de la Russie Meridionale* (два выпуска в неделю): основал ее агроном Иван Деваллон, француз по происхождению. И в продолжение темы СМИ: еще через два года в Одессе увидел свет и первый номер журнала *Troubadour d’Odessa*, он освещал искусство.

В том же 1820 году, осенью, император удовлетворяет ходатайство графа, и в Одессе учреждают Лекарскую управу.

О первых годах правления Ланжерона лучше всего рассказывать словами современников. Английская путешественница Мэри Холдернесс после двух путешествий по югу России, в 1816-м

и 1820 году, писала: «Город Одесса — морской порт, процветает, и это место по-настоящему впечатляющее, если вспомнить, что около 20 лет назад все его население помещалось в нескольких рыбацких хижинах и что в 1812 году треть населения города забрала чума. Вновь посетив Одессу, я увидела, что в течение четырех лет здесь произошли большие изменения, и прогресс просто ошеломляет. В течение одного только 1819 года было возведено 70 каменных домов, а порт посетило 200 судов, принявших на свой борт не менее четырех миллионов четвертей зерна».

Именно при Ланжероне Одесса начинает превращаться в Южную Пальмиру. Граф, хоть и был суровым военным, но город, которому отдавал столько сил, просто обожал — он завещал похоронить себя именно в Одессе. И самый популярный или, как говорят одесситы, «шикарный» пляж города называется Ланжерон.

Следующим «звездным» новороссийским генерал-губернатором стал граф Михаил Семенович Воронцов. Да-да, тот самый, который, среди прочего, выстроил (или для которого выстроили) знаменитый Воронцовский дворец в Алушке. Градоначальник Одессы подчинялся именно ему. В Одессу граф Воронцов приехал в конце июля 1823 года. Как генерал-губернатор, для процветания юга империи, и в том числе для Одессы, он сделал чрезвычайно много. Личность эта была просто необыкновенная: вряд ли в российской армии можно было найти еще одного настолько же образованного генерала с таким же широким государственным кругозором. Воронцов принимал участие почти во всех войнах первой половины XIX века, и карьера его закончилась на Кавказе. К тому времени он уже был светлейшим князем, генерал-фельдмаршалом, кавалером всех российских и многих иностранных орденов.

Под руководством Воронцова Одесса стала главным торговым городом юга России; ему удалось добиться продления статуса «порто-франко» еще на 10 лет. При нем и его радениями было завершено устройство Ботанического сада и Приморского бульвара, которое начал граф Ланжерон. Достаточно быстро в одном конце бульвара возвели великолепный дворец для генерал-губернатора Воронцова, а в другом — здание купеческой биржи (теперь здание мэрии). На этой улице затем выросли другие красивые здания, в том числе нынешняя гостиница «Лондонская».

Год 1841-й. Сооружена знаменитая Потемкинская лестница. Можно рассказывать еще о многих и многих правителях и градоначальниках. Мы же остановились на самых громких именах для того, чтобы показать, что история Одессы полнилась легендами с первых дней своего существования. И, вероятно, о жизни города существует немало преданий и поныне. Хотя все же нет... Перед тем как мы отправимся в дальнейшее путешествие, вспомним предание о первой взятке, в определенной мере наложившей свой отпечаток на многое в истории Одессы. В 1796 году император Павел I сменил на троне свою матушку Екатерину II. Известно, что он, скажем осторожно, не очень ее уважал и со многими ее делами категорически не соглашался. Должно быть, поэтому, а быть может, и по иным соображениям, взойдя на трон, он запретил финансировать из казны строительство и самой Одессы, и ее порта. Город, задыхавшийся от безденежья, приходил в упадок, землетрясение и неурожай довершили то, что начал рескрипт императора. Но уже существовал магистрат Одессы, равнодушный к судьбе города. Выражая желание одесситов, магистрат обратился к императору с прошением о выделении кредита и продолжении строительства. Коррупции как таковой тогда не было, точнее, не было такого слова, однако «братъ» на Руси было заведено издавна. Итак, магистрат составил прошение о предоставлении кредита. А для вящей убедительности в него «завернули» три тысячи апельсинов — «небольшой подарок для высочайшего двора». Апельсины оказались замечательными, и Одессе — вероятно, именно поэтому — кредит выделили и дали дозволение на дальнейшее строительство города. Благодарные одесситы, вспомнив об этом, хотя и намного позже, поставили памятник фрукту.

Глава 2. «А сие у вас натуральное чи фальшивое?»

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду...
Э. Багрицкий. Контрабандисты

Все благороднейшее из нашей контрабанды, все, чем славна земля из края в край, делало в ту звездную, в ту синюю ночь свое разрушительное, свое обольстительное дело. Нездешнее вино разогревало желудки, сладко переламывало ноги, дурманило мозги и вызывало отрывку, звучную, как призыв боевой трубы. Черный кок с «Плутарха», прибывшего третьего дня из Порт-Саида, вынес за таможенную черту пузатые бутылки ямайского рома, маслянистую мадеру, сигары с плантаций Пирпонта Моргана и апельсины из окрестностей Иерусалима. Вот что выносит на берег пенистый прибой одесского моря, вот что достается иногда одесским нищим на еврейских свадьбах.

И. Бабель. Одесские рассказы

Что первым приходит на ум при слове «контрабанда»? Наверняка многие скажут: знаменитая фраза о том, что вся контрабанда делается в Одессе на Малой Арнаутской улице.

Понятно, конечно, что самому явлению уже много сотен лет. И что в прекрасной Южной Пальмире, как и во многих других приморских городах, контрабанда возникла с появлением порта или даже с появлением здесь людей. Понятно, что с установлением режима «порто-франко» контрабанда расцвела самым пышным цветом. Но обо всем по порядку.

Для начала — что такое контрабанда? Морская энциклопедия утверждает: «Контрабанда (от итальянского *contra*, т. е. “против”, и *bando* — “правительственный указ”) — незаконное перемещение через государственную границу товаров, ценностей и других предметов с нарушением требований таможенного законодательства...» Но за зоной свободной торговли взимались огромные налоги и пошлины, повышающие стоимость товара в разы. Что же делать, как получить прибыль и сверхприбыль и при этом не доставить казне особого удовольствия?

Конечно, нарушать! А тем более — в Одессе. Ведь здесь сама природа словно подталкивала лихих и просто оборотистых ребят: одесские катакомбы длиной почти в три тысячи километров позволяют спрятать практически все, что только можно втиснуть в их ходы и коридоры. А сама история борьбы одесских контрабандистов с представителями закона началась во времена, когда и слова-то такого в Российской империи никто не знал.

До того как Хаджибей в 1789 году перешел в руки русских, население крепости выживало по большей части за счет мелкой торговли и промыслов. Российские власти почти сразу дали городу статус порта, к тому же пограничного. После того как при первом градоначальнике, герцоге де Ришелье, были построены торговые пристани и мол, легальный товарооборот вырос в несколько раз, а с ним — кто бы в этом сомневался — и объем контрабанды. Чтобы справиться с ней, в Одессе поселили «верных казаков черноморских», воевавших в армии князя Потемкина. Таможенно-пограничными объездчиками тоже стали казаки. Это недвусмысленно предписывал указ Екатерины II «Об учреждении особой таможенной цепи и стражи для отвращения потаенного привоза товаров», вышедший в 1782 году. Казаки-объездчики на суше располагались по одному человеку на каждые пять верст границы, а морские казаки-дозорники на своих шлюпках встречали иностранные корабли.

Жалование пограничных казачков, вернее, их заработная плата, было сдельно-премиальным — они получали четверть конфискованного товара. Однако нельзя было воспрепятствовать незаконному провозу товаров через границу без активной помощи населения, среди которого вербовались агенты. Был учрежден и обязателен к ношению фрачный знак — его на гражданскую одежду обязаны были пришить все пограничные чины. По екатерининскому указу осведомители получали уже половину изъятого груза, однако огромные призовые не мешали коррупции разъедать пограничников тех времен.

Одна из самых знаменитых и успешных операций одесской погранично-таможенной стражи произошла в декабре 1797 года, когда была арестована греческая шхуна «Фелица»: она была задержана морскими казаками-дозорниками, для чего им даже пришлось обстрелять ее из мушкетов. Это судно направлялось к Аккерману, обычному месту разгрузки контрабандных товаров, где пограничная

стража чаще всего отсутствовала. В донесении чиновника Шлыкова, надзирателя таможенной стражи, составленном в связи с арестом шхуны, указано, что шхуна имела на борту двадцать бочек «мальвазеи» — крепкого вина — и «до сотни аршин сукна гишпанского». Без сомнения, количество товара было занижено в несколько раз, правда, уже после того, как казаки и сам надзиратель изъяли свою «законную» долю. Именно вино и тонкое сукно составляли тогда основной предмет контрабанды; ко всему прочему, в период русско-турецких войн таможенные пошлины взлетели до небес. О том, что «верные» казаки не гнушались взятками и поборами, свидетельствует множество фактов, в том числе такой: уже в 1822 году таможенно-пограничная стража была упразднена царским правительством, а казаков перевели во вторую, тыловую линию границы. Граф Канкрин, тогдашний министр финансов России, писал: «Казаки перестали исправно нести службу и сами занимаются незаконной торговлей, потворствуя злоимцам». Затем, с 1827 года, казакам и вовсе перестали поручать охрану государственных границ. Но к тому времени одесские казаки сами давно уже превратились в контрабандистов, которых местные называли «граничными жучками». Они достаточно легко преобразились из стражей в нарушителей — сменили, так сказать, специализацию. К концу XIX века в казачьих слободках из бывших стражей границы сложились целые династии контрабандистов. Едва ли не самой яркой представительницей контрабандистских фамилий стала королева одесской контрабанды Любка Шерман с Мельницкой улицы — именно она под именем Любка Казак обрела бессмертие в рассказах Бабеля. Держательницу постоянного двора и кабака мадам Шерман называли Казакком только потому, что ее заведение находилось в самом центре контрабандной Одессы — на Пересыпи. Именно там испокон веков селились черноморские казаки, которые в силу бывшей специальности знали все слабые места морской границы. Питейное заведение мадам Шерман превратилось в центр тайных сделок контрабандистов, а сама она стала самым главным координатором одесских «жучков». Полицейское начальство города исправно получало достаточное жалованье из щедрых рук мадам Любки и закрывало глаза на сомнительное происхождение товаров, заполнивших так называемые колониальные лавки Одессы.

Вот что можно найти в книге Осипа Чижевича «Город Одесса и одесское общество. Воспоминания одесского старожилы»: «Привилегия получения всех заграничных товаров без пошлины доставляла жителям Одессы громадные удобства дешевой всех предметов роскоши и продовольствия. Это привлекало в город богатых людей со всей России... В особенности отличались дешевой иностранные вина, турецкий табак, оливковое масло, сахар, кофе и мануфактура... Лучший душистый турецкий табак крошенный, без бандероль, продавался от 20 до 40 коп. фунт, французские и английские сукна и лионские шелка появились в Одессе вместе с парижскими модистками и портными... В числе разных ухищрений контрабандистов открыто было, что они переносили товары мимо таможи морем, на Пересыпи, в непромокаемых мешках, а чтобы скрыть себя получше от таможенной береговой стражи, шли по шею в воде, надевая на голову стальную плоскую шапку, подходившую под цвет морской воды».

Что представлял собой статус «порто-франко»? Это была возможность легально торговать всевозможными товарами прямо с кораблей, не платя при этом иногда весьма высоких таможенных пошлин. За территорией «порто-франко» взимались огромные таможенные пошлины Российской империи. Поэтому предприимчивые и оборотистые хлопцы вырыли под рвом, ограничивающим территорию «порто-франко», целую паутину подземных ходов: по ним буквально потекли товары.

Жадность сгубила «порто-франко». Через 42 года император Александр, но уже II, прислал комиссию, которая установила: за один только год в город было ввезено товаров на 21,5 млн рублей, а вывезено... всего на 2 миллиона. (Что, в общем, вполне понятно: как можно вывезти то, что уже украдено и вывезено раньше? Говоря словами героя одной из советских комедий, «все уже украдено до нас...»)

Так Одесса навсегда потеряла статус «порто-франко». Кончился золотой век города. Продолжался он сорок лет. Большинство роскошных домов, улиц, бульваров Одессы сооружены в этот период на контрабандные деньги. Теперь уже неоткуда было ввозить, но надо было чем-то так же удачно торговать! И поэтому за дело взялись умельцы именно с Малой Арнаутской, которые могли, что называется,

«на коленке» изготовить все — от дорогих заграничных вин (о составе которых лучше не задумываться) до «старинных украшений» и «подлинных древних золотых и серебряных монет», которые якобы находили буквально за чертой города. Но об этом и вообще о «черной археологии» мы поговорим в одной из следующих глав, а сейчас вернемся к истории собственно контрабанды.

Понятие территориальных вод появилось в России лишь в конце XIX века. Первоначально этот термин означал только полосу таможенного досмотра. Руководствуясь положением от 1 июля 1868 года, Государственный совет России считал таковой лишь область протяженностью в три морские мили от берега. Тем не менее к нарушителям этого положения должны были применять достаточно жесткие меры, даже расстреливать из орудий. Таможенная инструкция для кораблей пограничной стражи образца 1868 года содержит четыре пункта, которые, с некоторыми изменениями, до сих пор можно найти в служебных инструкциях наших морских пограничников. Если же торговые суда не выполняли приказы, их преследовали в море далеко за пределами контрольных миль.

Боевое дежурство по охране границ несла черноморская эскадра, имевшая для этой задачи два крейсера и несколько канонерских лодок. Прогресс не дремал — в конце XIX века контрабандистские суда обзавелись паровыми двигателями, но, в отличие от современного положения вещей, суда нелегальных торговцев тогда все же уступали быстроходностью военным крейсерам: царская казна не жалела средств на охрану границ. В начале XX века главным способом морской контрабанды стало так называемое «рейдовое окно». Остановившись на рейде Одессы, иностранные суда ожидали разрешения на разгрузку, а ночью к ним подплывали челноки, которые загружались, что называется, «под завязку». На берегу товары складировали в тайных местах одесских катакомб, но недалеко от выходов этих подземелий к морю. Дальше все было проще: колониальные товары прямо оттуда доставляли в магазины Одессы. Исследователи одесских катакомб до сих пор находят следы тайных складов контрабанды. Контрабандистам по законам царской России грозило от одного до трех лет каторжных работ или ссылки в Сибирь. Кроме контрабандистов, в катакомбах находили приют бандиты всех мастей, чуть позже — деятели революции разных политических

взглядов, а еще чуть позже — и сами одесситы, прятавшиеся от нацистских войск. Со временем в бандитско-уголовной среде города возник своеобразный сначала сленг, а потом и почти подлинный язык. О нем мы поговорим попозже, но сейчас нам понадобятся некие словечки просто для того, чтобы понять, что же происходило в следующих историях. Тем же, кто особо интересуется одесским своеобразным говором, можно рекомендовать прекрасный «Большой полутолковый словарь одесского языка», созданный Валерием Смирновым и изданный в 2002 году.

Клей — фальшивые деньги.
Клифт — пиджак.
Прохаря — сапоги.
Бока — часы.
Человек — вор.
Фраер — не вор.
Мусомет, лопатник — кошелек.
Кент — друг.
Шкары — брюки.
Корочки — туфли.

Среди контрабандистов было немало женщин. Им, в отличие от мужчин, было куда легче пронести товары и спрятать их от досмотра в складках одежды. Известно, что как-то у некоей дамы, приятной во многих отношениях, под юбками внезапно стали бить куранты. У другой, к ее досаде, из-под одежд внезапно выпала сахарная голова. Третья смогла намотать на себя несколько рулонов ткани и кружев. На одесской таможне даже появилось распоряжение: «Щупать всех подозреваемых дам». Господа таможенники при сем интересовались: «А сие у вас натуральное чи фальшивое?»

Конечно, можно не говорить, что в СССР и контрабанда, и мастерские по изготовлению «колониальных товаров» цвели самым пышным цветом — дефицит всего в огромной стране был невероятным. Причем ввозилось не только то, что в стране не производилось или производилось в ограниченном количестве. Ввозились даже предметы обыденные, но появляющиеся в продаже редко и нерегулярно, такие как колготки или презервативы. Особенным спросом пользовались одежда и обувь импортного производства, а также косметика, сигареты, иностранные журналы, аудиокассеты и прочее.

И снова та самая, уже много раз упомянутая Малая Арнаутская поставляла на рынок остро необходимый дефицит в количествах, близких к промышленным. Хотя и не всегда близкого к импортному качества. Одному неискушенному гостю города «повезло» в небольшом одесском магазинчике купить удивительной красоты «импортные часы», которые за сутки убежали вперед минут на двадцать и при ближайшем рассмотрении оказались из бракованной партии часов фабрики «Заря». Другим стал только циферблат. Умельцы на этой улице, как и на всей Молдаванке, практиковались годами, даже десятками лет. Мы уже говорили, что по подземным ходам катакомб из зоны свободной торговли товары перебирались на Молдаванку. Здесь их перепакывали, переклеивали, снабжали новыми ярлыками и... продавали по совсем иным ценам. Конечно, настоящего контрабандного товара на всех не хватало — и тогда за дело брались умельцы-фальсификаторы. Они могли создать все что угодно — от яиц Фаберже (по слухам, партию таких яиц в несколько сотен штук задержали при вывозе только потому, что Карл Фаберже за всю свою жизнь изготовил только чуть более семидесяти экземпляров) до паспортов и фальшивых денег.

Судебная хроника газеты «Одесские новости» с определенной горечью писала: «Контрабанда в Одессе имеет такие объемы, что представляет реальную опасность для экономики Российской империи. Один из банкиров, к примеру, господин М., скупал в Польше фальшивые деньги и нелегально перевозил их в Одессу. Несмотря на все усилия полиции, ловкачи-контрабандисты сумели тайно сбыть в самой Одессе и в других городах Херсонской губернии 43 тысячи фальшивых рублей».

Ходила по Одессе легенда о так называемом соломенном пианино. Якобы некие умельцы создали из соломы музыкальный инструмент. Они ездили по Европе с концертами, а из Европы везли фальшивые ассигнации, тысячами пряча их в экзотическом инструменте. Умельцев якобы задержали только благодаря доносу. Сколько в этой истории правды, знает только одесская полицейская хроника, если, конечно, еще можно найти документы, датированные XIX веком, которым повезло уберечься от рук погромщиков всех мастей в начале безумного XX века.

Еще одним весьма доходным предприятием была контрабанда «живого товара». Но не столько ввоз, сколько вывоз: дома терпимости Турции, Греции, даже Италии высоко ценили девушек, которых поставляли одесские торговцы. Организовывались целые банды, которые их похищали. Случалось, что торговцы «живым товаром» похищали женщин и девиц не только из богатых купеческих, но даже из аристократических семейств. Например, в такой ловушке однажды оказалась княжна В., которая выбросилась за борт — видимо, когда поняла, что угодила на невольничье судно. Мы к этому случаю еще вернемся — к сожалению, он связан с целыми пластами в криминальной истории города.

Разумеется, бандиты, похитившие княжну, шли на большой риск. Но он того стоил: такой промысел был невероятно доходным и считался, пожалуй, самым выгодным. Женщины из Одессы, как правило, весьма привлекательные, ставшие белыми рабынями, пользовались огромным спросом в заморских борделях, но к чести полиции следует сказать, что их нередко удавалось обнаружить и спасти из плена. Порой в ходе осуществления операций завязывались нешуточные перестрелки, однако местные полицейские приходили на помощь спасателям и женщины в итоге возвращались домой.

Только в период с 1870-го по 1905 год в Одессу вернули свыше 500 «рабынь», чем полиция по праву гордилась. Впрочем, и работоторговцы стремились совершенствовать свои методы. В частности, через какое-то время в Одессе появились особого рода брачные аферисты. Заключение брака с девушками из добропорядочных семейств, они отправлялись в свадебное путешествие, но стоило им попасть за границу, как они тут же сбывали жен в дома терпимости, получая за них солидный куш. Очень скоро это занятие даже стало профессией, хотя и преследовали его жестоко. Забегая вперед, скажем, что и в XIX, и в XX веках этот своеобразный бизнес только ширился, и к нему приложили руку известные авантюристы.

Вот так мы подошли к еще одной, весьма интересной теме: ведь проституция в Одессе, во многом похожая на проституцию в любом другом городе, кое в чем сильно отличалась — немало настоящих легенд преступного мира берут свое начало именно в «веселых кварталах» Молдаванки и Пересыпи.

Глава 3. Город свободных нравов

Каждая девушка имеет свой интерес в жизни,
и только одна я живу, как ночной сторож при чужом складе.

Или сделайте со мной что-нибудь, папаша,
или я делаю конец моей жизни...

И. Бабель. Одесские рассказы

Профессиональная проституция возникла в России намного позже, чем в других странах, — лишь при Петре Великом. Тогда как «жрицы любви» существовали, сколько себя помнит человечество: во времена Древней Греции, Рима, Вавилона и Иудеи. В те далекие эпохи на многие вещи смотрели проще, в том числе и на продажу собственного тела. Впрочем, и в России еще в 1649 году царю Алексею Михайловичу, отцу Петра I, пришлось издать указ, обязывающий городских объездчиков следить, чтобы «на улицах и в переулках продажных бродячих женщин не было».

Однако широкое распространение проституции в России случилось позже и стало своеобразным следствием преобразования общества «на западный манер», затеянного великим царем-реформатором. Хотя это занятие, по крайней мере формально, преследовалось законом и при Петре, и особенно при Елизавете Петровне и Анне Леопольдовне. За блуд женщин ждало наказание розгами, а затем заключение в монастыре для покаяния и перевоспитания.

Несмотря на подобные меры, в России именно в этот период началась повальная эпидемия венерических заболеваний, в частности сифилиса, затронувшая даже царствующий дом. Она так стремительно распространялась по городам и селам, добравшись до Урала и Сибири, что, согласно статистике, к 1880 году от нее пострадала пятая часть населения. И это было неизбежно, поскольку проституция лишь набирала обороты, после того как в России возникли большие группы неженатых мужчин (чиновников, солдат и матросов).

Озаботившись здоровьем своих подданных, особенно воинства, Екатерина II издала «Устав городского благочестия». В соответствии с ним публичные женщины были обязаны проходить регулярный медицинский осмотр и заниматься своей деятельностью только в специально отведенных для этого районах города. А император

Павел I даже ввел для проституток нечто вроде униформы — желтое платье, и с той поры символом «профессии» стал именно этот цвет. Позже публичных женщин обязали иметь медицинское свидетельство, которое стали называть «желтым билетом».

Затем, уже при Николае I, была создана жесткая система полицейского и медицинского надзора за проститутками, которая функционировала вполне успешно. Она предусматривала осмотр публичных женщин в полицейских участках, что было отменено лишь в 1909 году.

В 1861 году император Александр II своим указом отменил крепостное право в России, и это привело к бурному развитию капитализма в стране. В городах становилось все больше свободных и обеспеченных мужчин, желавших потратить свои деньги на жриц любви. И повсюду стали возникать публичные дома.

Публичный дом по закону могла содержать только женщина. Девушки, жившие в нем, были свободны от большинства бытовых хлопот: их обеспечивали крышей над головой, пропитанием, одеждой, охраной и прочим. Тем не менее проститутки оставались совершенно бесправными перед своей хозяйкой, которую называли «мамочкой» или «мадам». Часто они попадали в долговую кабалу к ней, то есть фактически в рабство.

И пусть количество домов терпимости под давлением общественного мнения существенно сократилось к началу XX века, зато стало больше женщин, «работавших» самостоятельно. Большинство проституток происходило из крестьян, и на то были свои причины. Девушки отправлялись на заработки в город, но часто им не удавалось никуда устроиться, а тем временем на вокзалах и возле фабрик их подстерегали вербовщики. Нередко девушек, даже совсем юных, увозили в город обманом, пообещав пристроить на какое-нибудь место, и действительно «трудоустраивали». В Одессе босяки империи Корнилова даже немало этим гордились, хотя утверждали, что девушки попадали не только в жрицы любви, но и в кухарки, прачки, уборщицы. И заодно уж становились осведомителями, кто в полиции, кто в бандах.

Проститутки появились в Одессе в первые же годы после ее основания. Многие из них обитали в соседних селах, таких как Нерубайское и Гниляково, возникших намного раньше Южной Пальмиры. Имея семьи и даже детей, эти жрицы любви при первой

возможности устремлялись в город и посещали на дому молодых офицеров и унтеров. В городских архивах можно найти жалобы крестьян, просивших де Рибаса вернуть в семьи жен и матерей, ведь «хозяйства без женщины приходят в упадок». Однако градоначальник ничем не мог помочь: эти дамы были свободными, крепостного права в Новороссийском крае не существовало никогда.

В архивах можно также найти свидетельства того, что и сам дюк де Ришелье столкнулся с этой проблемой. Попытки бороться с проституцией он начал предпринимать уже на третий год своего правления. Возглавляемые полицмейстером отряды полиции предпринимали рейды по одесским публичным домам, закрывая их и пытаясь привлечь их обитательниц к уголовной ответственности. Увы, как всегда, из этого ничего не вышло.

Проблема заключалась в том, что женщин не за что было привлекать: на тот момент в Российской империи не было закона, запрещающего продажу своего тела. Дома терпимости существовали вполне официально, под надзором врачей и полицейских. И поэтому Ришелье был вынужден с ними смириться. Более того, в 1812 году, когда формировалось одесское народное ополчение для борьбы с Наполеоном, по личному дозволению дюка в двухтысячный отряд зачислили более двадцати проституток.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ